

Су Янь проснулся, когда уже рассвело.

Он проснулся не сам — его разбудила боль. Левая лодыжка, затянута в гипс, отдавалась тупой, пульсирующей болью, напоминая, что всё это не сон.

Стоило ему открыть глаза, как перед ним предстал незнакомый высокий потолок и незнакомая лаконичная хрустальная люстра.

Свет пробивался сквозь щель огромных тяжелых штор, бросая яркую полосу на роскошный ковер.

В комнате стояла пугающая тишина.

Он шевельнулся, и шелковое одеяло соскользнуло вниз, обдав кожу прохладой. Опустив взгляд, он увидел на себе пижаму из такого же материала, а не привычную, застиранную добела хлопковую футболку.

Воспоминания вернулись.

Съемочная площадка. Больница. Этот огромный, пустой пентхаус.

Он приподнялся на локтях и прислонился спиной к изголовью кровати. Матрас был до нелепости мягким, словно зыбучий песок, не давая никакой опоры.

Он повернул голову к прикроватной тумбочке.

Новый телефон, который дал ему Гу Ечэнь, тихо лежал там. словно черный, безмолвный датчик слежки.

Он не стал к нему прикасаться.

Просто смотрел, пока в глазах не защипало.

У входной двери раздался тихий щелчок: открылся электронный замок.

Дверь отворилась.

Женщина лет пятидесяти в серой форменной одежде ввезла в комнату сервировочную тележку. За ней шла девушка помоложе, тоже в форме, держащая в руках аккуратно сложенную стопку одежды.

Женщина бесстрастно глянула на него. В ее взгляде не было ни любопытства, ни сочувствия — так смотрят на предмет мебели.

— Господин Су, завтрак готов, — монотонным, лишенным интонаций голосом произнесла женщина.

Она подкатила тележку к кровати и установила над ней небольшой складной столик.

Миска белого риса на воде, блюдечко с зеленью и сваренное вкрутую яйцо. Еда была пресной, а подана — с безупречной педантичностью.

Су Янь ничего не ответил.

— Вам нужна помощь с кормлением? — спросила женщина.

Этот вопрос, словно игла, впился в гордость Су Яня.

Он поднял руку и взял ложку, его пальцы слегка подрагивали.

Женщина больше ничего не говорила. Вместе с молодой девушкой она молча замерла в стороне, ожидая, пока он закончит.

Их взгляды давили сильнее любых подгоняющих слов.

Су Янь механически зачерпывал кашу и отправлял в рот. Еда не имела вкуса, словно он выполнял какую-то рутинную обязанность. Закончив завтрак, молодая девушка подошла и положила на край кровати новую одежду. Темный хлопковый повседневный костюм — мягкий, но такой же чужой, как и всё остальное здесь.

Старшая из женщин заговорила:

— Господин распорядился передать, что раз вам тяжело передвигаться, нам следует помочь вам с переодеванием и утренними процедурами. Вы позволите?

Су Янь напрягся, вспомнив всё, что произошло вчера в ванной.

— Не нужно, — выдавил он из себя. — Принесите инвалидную коляску.

Женщина кивнула, и девушка направилась в угол комнаты, чтобы подкатить кресло, в котором он сидел вчера.

Су Янь откинул одеяло и принялся двигаться. Опираясь на руки, он перебрался с кровати в кресло. Процесс давался с огромным трудом: каждое движение отдавалось болью в левой ноге, а тяжелый гипс тянул вниз, словно кандалы.

Когда он наконец сел, его лоб покрылся испариной.

Он направил коляску в ванную.

Взглянув в зеркало, он увидел человека с бледным лицом и пустым взглядом. На нем была чужая шелковая пижама, он сидел в инвалидном кресле. Этот человек был им, но в то же время — словно кто-то совсем другой.

У него ушло много времени, чтобы самостоятельно умыться и переодеться. Когда он вышел из ванной, обе женщины всё так же стояли на своих местах, застывшие, словно безжизненные статуи.

Не глядя на них, он развернул кресло и покинул спальню.

За дверью оказалась огромная, вызывающая головокружение гостиная.

Дневной свет лился сквозь панорамные окна, занимавшие всю стену, заливая пространство яркостью, которая лишь подчеркивала пустоту и холод этого места.

Он подъехал к стеклянной стене.

Отсюда весь город лежал у него под ногами. Высотки, потоки машин. Улицы, по которым он когда-то бегал, привычная суeta — всё это теперь казалось лишь крошечным макетом, чем-то нереальным.

Он видел тот мир, но вернуться в него уже не мог.

Су Янь протянул руку и коснулся кончиками пальцев ледяного стекла.

Непреодолимая преграда.

Он бесцельно закружил по гостиной, пытаясь открыть входную дверь, но та даже не шелохнулась — лифт требовал специальной магнитной карты.

Настоящая клетка на вершине мира. Он остановился перед книжным стеллажом. Полки были заставлены книгами — по большей части оригиналами на иностранных языках, а также сложными трудами по философии и экономике.

Он небрежно вытянул одну из них.

Из страниц выпала фотография.

Су Янь наклонился и поднял её.

На снимке были двое мальчишек: он сам и Гу Ечэнь. Еще в приюте, на фоне старой софоры. Гу Ечэнь на фото уже тогда выглядел немного суровым, а сам Су Янь смеялся беззаботно и искренне.

Пальцы погладили улыбающееся лицо на карточке.

В какой момент они пришли к тому, что есть сейчас?

Он вложил фотографию обратно в книгу и задвинул её на место.

Две женщины неизвестно когда ушли. В огромном пространстве он снова остался один.

Обед доставили вовремя — та же женщина, та же пресная, безвкусная еда.

Он молча поел и продолжил коротать время в одиночестве.

Он не включал телевизор и не прикасался к новому мобильному телефону.

Просто сидел в инвалидном кресле и смотрел, как облака за окном плывут с одного края неба на другой.

Время потеряло всякий смысл.

На закате солнце окрасило город в золотые тона.

Двери лифта открылись, нарушив затянувшуюся тишину.

Су Янь развернул кресло в сторону прихожей.

Вошел Гу Ечэнь. Он уже сменил дневной костюм на черный кашемировый джемпер. Вид у него был несколько уставшим, но властная аура человека, контролирующего всё вокруг, ничуть не померкла.

Он заметил Су Яня у окна.

Гу Ечэнь переобулся и направился к нему. Туфли мерно стучали по полу, с каждым шагом приближаясь всё ближе.

Он остановился рядом с инвалидным креслом Су Яня.

— Как себя чувствуешь? — спросил он.

Это был не вопрос из заботы. Это была проверка. Проверка того, в порядке ли его собственность.

Су Янь не обернулся, продолжая смотреть в окно:

— Не сдохну.

Гу Ечэнь не разозлился на такой тон. Он придвинул кресло и сел рядом с Су Янем.

Из портфеля он достал синюю папку и положил её Су Яню на колени. Она легла ровно на ноги, не задев гипс.

— Что это? — Су Янь опустил взгляд на папку.

— Сценарий, — ответил Гу Ечэнь. — Главная роль.

Пальцы Су Яня дрогнули.

Он открыл папку.

На титульном листе золотым тиснением было выведено название фильма — Эхо бездны. Ниже значились имена сценариста и режиссера — фигуры с самой вершины индустрии.

Он перевернул страницу — там было описание персонажа.

Главный герой: боксер с самых низов, глубоко в душе жаждущий света.

Этот персонаж был так похож на него самого.

— Твоей ноге нужно от шести до восьми недель на восстановление, — голос Гу Ечэня

прозвучал рядом — ровный и четкий. — За это время выучи его наизусть.

Су Янь резко захлопнул сценарий.

Он повернул голову и наконец посмотрел прямо в глаза Гу Ечэню.

— Чего ты хочешь добиться? — его голос дрожал. — Запереть меня здесь, уничтожить всё мое прошлое, только чтобы я снялся в твоём фильме?

— Это не мой фильм, — поправил его Гу Ечэнь. — Это твой фильм.

Он смотрел в глаза Су Яню — в те глубокие зрачки, в которых не отражалось ни единой эмоции.

— Су Янь, разве ты не хотел стать актером?

Эти слова, словно удар молнии, раскололи всю броню Су Яня.

Хотел. Да как он мог не хотеть? Это была мечта, которую он прятал в самой глубине души, боясь произнести вслух. Он работал каскадером, дублером, терпел всю боль и унижения — лишь бы стать хоть на шаг ближе к этой мечте.

Но не таким способом.

Не ценой продажи себя, не ценой жизни в качестве домашнего питомца.

— То, что я даю тебе — это шанс, о котором мечтают все, — голос Гу Ечэня был ледяным, но манящим. — Тебе нужно лишь принять его.

Су Янь смотрел на него, на человека, который использовал его самое заветное желание, чтобы поймать его в ловушку.

Он вдруг рассмеялся.

— А если я откажусь?

Взгляд Гу Ечэня ничуть не изменился.

Он протянул руку, взял сценарий с колен Су Яня, открыл на нужной странице и указал на строчку.

Она гласила:

Когда ты смотришь в бездну, бездна тоже смотрит на тебя.

Палец Гу Ечэня замер на этой фразе.

— У тебя нет выбора.

<http://bllate.org/book/21842/2264542>